

ОТЗЫВ

на диссертацию Поповой Оксаны Владимировны «Пространственно-временные аспекты формирования и трансформации локальных этнокультурных групп (на примере старообрядцев)» на соискание ученой степени кандидата географических наук по специальности 25.00.24 – Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география

Современные работы по этнокультурной географии обречены на успех. Во-первых, полувековое «молчание» советской географии по культурно-географической проблематике и связанная с ним лагуна знаний еще далеки от заполнения. А, во-вторых, в полиэтничной стране подобные работы всегда актуальны как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Тем более, что феномен старообрядчества плохо исследован географами.

Представленная работа О.В. Поповой посвящена географии старообрядчества, его истории, структуре и пространственной организации. Рассматривая старообрядчество только с географических позиций, следует помнить, что оно сыграло огромную роль в оформлении русского культурного пространства и формировании границ Русского государства. На южных рубежах страны оно усилиями казачества вышло в степные просторы. На севере старообрядцы-поморы способствовали освоению сурового севера Русской равнины, а затем – вырвались в Сибирь и на Дальний Восток.

Другой важный момент для исследования данного феномена заключается в необходимости анализа взаимоотношений государства и старообрядчества. С одной стороны, государство, пользуясь своей монополией в «СМИ» того времени придумало и запустило в общество сильный негативный образ – образ раскольников (и этот образ, увы, бытует вплоть до нашего времени). Между тем, реальными раскольниками были сами никонианцы, на долгие годы расколовшие русское общество и церковь. В то время как, именно старообрядцы стремились сохранить дух и традиции истинной русской веры.

С другой стороны, важным фактором формирования современной конфессиональной географии было постоянное многовековое гонение на староверческие общины со стороны государства в разных его формах, вплоть до очень жестких, к которым, например, относится разгром правительством в середине XIX века Выгореции, мощного не только духовного и культурно-образовательного центра всего Русского Севера. Применительно, к географическому исследованию можно утверждать не только о репрессивных мерах, но и о своеобразной переселенческой политике государства в отношении старообрядческих общин. Именно она, наряду во многом сформировала современную географию старообрядчества.

Предваряя научный анализ работы, укажем, что рассматриваемое исследование имеет **важное общественное значение**, она де-факто способствует **общественному признанию огромной роли старообрядчества в развитии современной России**, в поддержании ее высших духовных идеалов, в развитии культуры и хозяйства.

Актуальность темы исследования связана с весьма слабой проработкой в современной географии культурной и этнической проблематики. Подобные работы вносят значительный вклад в гуманизацию современной российской географии, имеют важное теоретическое и прикладное значение.

Научная новизна работы заключается в:

- разработке теоретических положений, обосновывающих положение старообрядчества как особого русского субэтноса;
- в создании стройной историко-географической концепции, объясняющей особенности пространственного распределения субэтноса в мире и России;
- в постановке и исследовании проблемы трансформации старообрядчества в современной социокультурной ситуации.

Обоснованность и достоверность научных положений диссертации обеспечивается:

- системным анализом проблемы в рассматриваемой области исследования;
- обоснованным применением разнообразных научно-методологических подходов,
- обширным списком литературы по теме диссертации.

Практическая значимость работы не подлежит сомнению. Ее результаты могут быть использованы при разработки федеральных и региональных программ по национальной, культурной и образовательной политике, в первую очередь в Оренбургской области. Материалы работы могут быть также использованы при чтении курсов по культурной и этнической географии России.

Основные положения и выводы работы прошли **апробацию** в виде научных публикаций (опубликовано 18 работ, включая 4 из Списка ВАК) и докладов на международных и всероссийских конференциях.

Рассматриваемая работа состоит из введения, 3-х глав, заключения, списка литературы и 5-ти приложений.

Первая глава посвящена теоретическим и методологическим вопросам. Автор разобрался в непростых теоретических вопросах этнической географии. Один из важнейших в исследовании – историко-географический подход, который продуктивно применяется в работе. Не менее важны пространственный и культурно-ландшафтный подходы.

Вторая глава называется «Историко-географические особенности старообрядчества». Автор систематизировал и представил в виде наглядных схем сложную структуру старообрядчества с его многочисленными толками и согласиями. Это было необходимо для решения поставленных в диссертации задач и важно для понимания современной религиозно-конфессиональной ситуации. Проведена огромная статистическая работа по учету и картографированию феномена старообрядчества. Данная культурная традиция рассматривается на глобальном, национальном и региональном уровнях (в качестве кейса анализировалась ситуация в Оренбургской области).

Попутно отметим, что полимасштабный подход и связанный с ним полимасштабный анализ, или «игра масштабами», представляет собой одну из самых сильных сторон работы. Он органично дополняется разномасштабными картами. Среди других достоинств исследования – великолепный иллюстративный ряд, включающий схемы, диаграммы и карты.

Важное место в главе занимает историко-географическая периодизация расселения представителей старообрядческих общин по миру (выделяется 4 пространственно-временных этапа расселения). Важно, что автор стремится давать комплексную культурно-географическую характеристику новых ареалов расселения – этнографию жилища, профессиональные занятия, сохранение материальных традиций. Поражает тщательность и детальность исследования: автор глубоко вошел в тему, привлек большой объем зарубежного и регионального материала, касающегося даже самых удаленных и малочисленных общин староверов. Раздел венчает составленная автором очень наглядная карта «Расселение старообрядцев в мире».

При описании распространения старообрядцев по территории России также выделяется 4 региона – Верхнее Поволжье с Русским Севером, Среднее и Южное Поволжье, Урал с Сибирью и Дальний Восток. Раздел заканчивается авторской картой «Историко-географическое расселение и степень сохранности природопользования старообрядцев в России».

Третья глава, посвященная рассмотрению географии старообрядчества в Оренбургской области, написана на основе глубокого знания автором данной традиции. Это, можно утверждать, образец классического антропогеографического, или культурно-ландшафтного, описания региональной культурной традиции, сопровождаемое убедительными статистическими данными, диаграммами и картами. Одно лишь замечание: описание каждого этапа освоения заканчивается не вполне понятной фразой. К примеру, на стр. 100 читаем «Доминирующий культурный ландшафт традиционно сельский, с преобладанием сельскохозяйственного (лугово-пастбищный, полевой), промыслового (рыболовство и охота) и сакрального». Так и хочется спросить: с преобладанием чего? Промыслового? Сакрального? Без пояснений целостная картина «рассыпается» и становится не понятным, что из себя представляет доминирующий культурный ландшафт.

Выскажем и другие замечания к работе:

1. Локальная этнокультурная группа – основное понятие в работе. Как соотносится это понятие с понятием культурного ландшафта? Они совпадают или нет и почему?

2. В определении локальной этнокультурной группы указано что изоляция – важный фактор формирования ЛЭКГ. Вместе с тем не ясно, какой тип изоляции имеется в виду – пространственная изоляция, связанная с большими расстояниями, или культурная изоляция, когда сама культура минимизирует контакты с окружением?

3. В работе автор широко (на наш взгляд, неоправданно широко) использует описательную модель Д. Мейнига, которая разработана применительно к конкретной этнокультурной ситуации размещения мормонов в США. К сожалению, автор критически не переосмыслил данную модель и использует ее формально. Среди критериев, которыми руководствовался Мейниг при выделении 4-х ареалов, выделяются следующие: плотность населения группы, сохранность религиозных традиций и время жизни в этом месте. При этом предполагается, что эти показатели максимальны в ядре и минимальны в зоне изолятов. Действительно, для описания размещения культурного феномена модель Мейнига подходит, но для понимания устойчивости и степени трансформированности религиозной традиции предлагаемых критериев явно недостаточно.

Важно знать, есть ли реальный конфессиональный центр в регионе, центр, который способствует сохранению традиции, или нет? Это обстоятельство, кстати, хорошо понимали российские власти, когда приняли решение разгромить Выгорецию, которая была реальным духовным, конфессиональным образовательным центром старообрядчества на всем Русском Севере; после ее закрытия старообрядческая традиция на Севере оказалась

сильно подорвана. Такой подход позволил бы автору лучше понять соотношение устойчивости и трансформированности традиции в разных староверческих толках и у разных общин. Очевидно, что общины, располагающие конфессионально-организационным центром, имеют более сильные позиции.

4. Кроме того, используемая автором модель «Ядро – домен – сфера влияния – изоляты» терминологически не безупречна. Особенно, на наш взгляд, неудачен термин *сфера влияния*: ведь все 3 зоны являются сферой влияния ядра, а не только третья. Уместней было бы использовать известную модель В.Л. Каганского: центр – провинция – периферия. В модели Каганского центр несет не только пространственную, но статусно-семантическую нагрузку, чего нет в модели Мейнига. По крайней мере, она позволила бы автору задуматься о том, что такое центр в рассматриваемой религиозной традиции (отметим, что автору как большому специалисту в этом вопросе хорошо известны все более или менее крупные конфессиональные центры современного старообрядчества и провести подобный анализ для него, мы уверены, не составляло бы большого труда). Другой пример более, чем спорного употребления термина относится к термину *изоляты*, который обозначает дальнюю дисперсную пространственную зону культуры. Но старообрядческая культура вся, о чем неоднократно упоминает автор, является изолятом.

Кстати, сам автор интуитивно понимает недостатки модели Мейнига и при описании Оренбургского региона он вместо термина *ядро* использует более точный термин *центральный ареал*.

5. Не вызывает сомнений актуальность проблемы трансформации культурной традиции. Но каковы ее критерии (хозяйственный, социальный, языковой, этнический, конфессиональный и другие) и связанные с ними этапы и уровни трансформации? Какие из рассмотренных групп старообрядчества наиболее устойчивы, или по терминологии автора, менее трансформированы, а какие – сильно трансформированы и почему? Иначе, какова география трансформации старообрядцев (хотя бы в пределах Оренбургской области)? Не менее важен вопрос о пределах трансформации, т.е. когда можно утверждать о размывании данной культуры.

Высказанные замечания не умаляют очевидных достоинств работы. Диссертация отвечает следующим пунктам паспорта специальности 25.00.24 – Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география, включая: п.3: Природные, общественно-исторические и технико-технологические условия, предпосылки и факторы размещения производства, формирования систем расселения, сетевых структур различной специализации, социально-, культурно- и политико-географических территориальных

систем; п.8: Устойчивое развитие территории с учетом ее емкости, а также экономического, социального, человеческого и природного капитала; п. 16: Геопространственные системы различной специализации (экономические, социальные, включая рекреационные, культурные, политические).

Таким образом, диссертационная работа О.В. Поповой «Пространственно-временные аспекты формирования и трансформации локальных этнокультурных групп (на примере старообрядцев)» соответствует всем требованиям пунктов 9-14 Положения о присуждении научных степеней, утвержденных Правительством РФ от 24.09.2013 №842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Попова Оксана Владимировна заслуживает присуждения научной степени кандидата географических наук по специальности 25.00.24 – Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география.

Официальный оппонент:

Калуцков Владимир Николаевич,

доктор географических наук, профессор

кафедры региональных исследований

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

26 ноября 2021 г.

В.Н. Калуцков

Подпись В.Н. Калуцкова удостоверяю.

И.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения

МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор

Г.Г. Молчанова



Факультет иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Адрес: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы 1, стр. 13 (IV гуманитарный корпус)

Телефон: +7 (495) 734-03-22

Электронный адрес: science&research@ffl.msu.ru